

Расуль САГИТОВ

Давайте оправдывать надежду

Обращение искреннее, обращение от души...

Хочу высказать некоторые мысли об анонсах.

Слово, оказывается, французское: *apocse*. Дает примерное значение «объявления народу». Сначала объявлялось о концертах, спектаклях, кинофильмах, книгах. А теперь вот больше относится к средствам массовой информации и это, видимо, от современного естественного доминирующего развития масс-медиа.

Хотя анонсы были ведь и раньше. Вот программы радио и телевидения в газетах — чем не анонс? Однако, серьезное, частое, обильное, многожды повторяющееся анонсирование — явление уже этого века, конечно. И, по моему твердому убеждению, радиостанции, авторы и ведущие радиопроектов этот инструмент должны использовать максимально широко. Буквально должны, потому что анонс ведь по своей сути — та же самая реклама. А какой же журналист, скажите мне, пожалуйста, не хочет, чтобы его передачу слушало как можно больше людей? Видимо, лишь тот, кто душу не вкладывает в дело, штампует дешевый ширпотреб ради галочки и гонорара. Не считал, не изучал, но я уверен в его абсолютной эффективности в расширении аудитории.

И анонсы должны быть, естественно, очень и очень качественными, поскольку вещь ведь повторяющаяся: недостатки, если в первый раз не заметят, в дальнейшем точно услышат. Да и небольшой же по объему материал, каждый звук на виду. Это ведь только в большеформатном проекте ляп в начале эфира может компенсироваться красноречием в середине, а к концу вовсе забыться. Тем более, когда не предполагается повторный, уже отписной эфир. Вообще иной анонс я приравниваю к целой передаче. Это когда объявляется ее главное содержание, основная мысль. Могу даже не слушать сам эфир, мне этого достаточно. Трудно сказать, хорошо это или плохо. Кому как, наверное. Одному суть важна, другому — ее проявление. С точки зрения первой доминанты,

сути, некоторые анонсы получаются даже лучше, чем сама передача. Потому что взяты самые яркие места. То, что в проекте продолжается всего несколько секунд, в анонсе, десятки раз повторяясь, как бы растет: и ввысь, и вширь, и вглубь. Тем не менее, для радиостанции или телеканала нужно ведь все-таки, чтобы сам эфир был прослушан, просмотрен, иначе зачем они тратились, эту краткую информацию можно было и в новостях передать.

Вот поэтому анонсы требуют к себе более серьезного отношения и с точки зрения режиссуры. Главное ведь тут — интриговать, выдавать сладкое порциями. Это как толстый журнал и его сайт: выкладывать все содержимое свежего номера, обратите внимание — именно свежего, на сайт полностью, до каждой запятой, наверное, нецелесообразно. Поскольку в век, когда читающих с бумаги становится все меньше и меньше, возможность пользоваться эксклюзивной информацией мимо киоска еще более облегчается. Т.е. тут задача — не превращать бумагу в электронную версию, а побуждать читателя с гаджетом идти искать оригинал. А архив, скажем, трехмесячной и далее давности, можно размещать, думается, и в полном объеме, полагаясь, возможно, наивно надеясь, на то, что свежие номера в продаже уже не остались.

Это так, но в наше скоротечное время не всегда есть время их делать. Особенно по прямым эфирам. Можно, конечно, «В контакте» настроить на скорую руку несколько неровных, без особой грамматики предложений. И это может сработать. Но здесь я имею в виду собственные ресурсы канала. Не успеваешь, поскольку эфир на то и прямой, чтобы выдавать информацию горячеей, только что из печки, с колес: произошло что-то полчаса назад или происходит, а уже комментируется в студии. С приглашением специалистов, экспертов, участников, организаторов. А когда в запасе есть хотя бы полдня, можно сделать конфе-е-е-тку!.. Причем несколькими способами: специально изготовленным роликом, простым объявлением в идущих в эфире раньше программах, к примеру.

Про социальные сети я уже сказал. А кроме них, мне кажется, точно бьет в цель личное, от собственного «я» обращение ведущего к аудитории. Обращение жестко от себя, обращение искреннее, без артистизма, обращение от души. Немногословное. Без капли фальши. Испытано на себе: после такого во время эфира — ну просто шквал звонков! Но тут не надо перебарщивать. Например, не обещать невозможного. Невозможного в принципе или в данный момент. Ведь журналист никак не может построить дорогу, мост, провести газ, выделить землю под дом. Он может только содействовать. Обострением внимания на этом. И превосходно, если после твоей программы где-то, хоть в одном месте, лед как-то тронется. Вообще очень хочется, конечно, чтобы мы оправдывали свое и право, и бремя называться властью четвертой. Местами — даже первой. Чтобы мы решали. Чтобы были не только средством массовой информации, а и массового воспитания, массового улучшения, массового развития и т.д. Т.е. несли и ответственность. Кстати, анонс ведь — тоже ответственность: людей же призываешь слушать тебя, они ради этого откладывают другие свои дела. В идеале, конечно, на самом деле, думаю, не все так делают. А ты, нехороший, вдруг не оправдаешь их надежды.

Давайте будем оправдывать.

Говорить все лучше и лучше

Радиожурналист и языкознание. Нужны ли они друг другу? Если такой вопрос задан, получается, есть сомнение, что ли? Что касается лично меня, ответ мой однозначен и тверд: «Да!»

Давайте сначала — о языкознании.

Да, радиокорреспондент в нем, безусловно, нуждается. Должен, обязан нуждаться, потому что он — пользователь языка, которого изучает эта наука. Язык — его единственный, великолепнейший инструмент. Раз изучает, значит, имеются от нее и правила, и нормы, и рекомендации.

Некоторые из моих коллег могут тут как-то прохладно возразить: «Радийщик не совсем зависим от лингвистики. Языком я пользуюсь: рассказываю, пишу, читаю, но мне совсем безразлично, где какая часть речи, член предложения или что еще похуже. Это для пишущей братии и сестрии знаки препинания нужны. А, возможно, и им ни к чему, у них же штатные корректоры есть. А я — журналист говорящий. Я вообще с буквами, точками-запятыми не работаю».

И то, наверное, правда. Самое главное — именно с буквами не работать. А иметь дело со звуками. Но об этом — чуть попозже.

Среди таковых есть, кстати, и литераторы. У них, как правило, филологического образования нет и не надо. Они ведь не ведают правил правописания. Как сами признаются, «просто пишут и все». Пишут то, что идет от сердца. Отлично пишут! И в журналистских рядах немало людей, окончивших даже технические вузы, вместе с тем — высококлассных творцов.

Вообще, я — не сторонник фанатизма, для меня белое и черное всегда имеют множество оттенков. В том числе и в этом вопросе. Т.е. критика или одобрение, высказанные однажды, для какого-то конкретного примера речи или текста, для другого раза могут и не подойти. Тут нужно учитывать все: и жанр, и контекст, короче говоря, формат. Даже время суток, как говорится. Что-то кажущееся неправильным в одном стиле, из уст одного журналиста, может совершенно подойти, пойти как по маслу в другом, у другого. Да и индивидуальное творческое использование языка не стоит рассматривать как ошибку. На этот счет есть хорошая башкирская поговорка о том, что утренний ум на вечер не подходит. Тут не надо применять какой-то общий шаблон ко всему, раз и навсегда. Тут надо все всегда пропускать через какой-то фильтр, который должен стоять у тебя внутри. Примеров можно привести кучу, однако ограничусь лишь одним. В башкирском эталонном предложении подлежащее обычно располагается в начале предложения, сказуемое — в конце. Однако, допускается использование и в обратном порядке, и это придает речи своеобразность, эксклюзивность. Вместе с тем, чрезмерно увлекаться им тоже не надо.

Когда речь идет об этом, языковеды, кстати, и сами признают некую неправильность принятых когда-то норм. Те, кто прогрессивен, конечно. Дело в том, что язык — институт развивающийся. Он — дитя своего времени. Нормы и правила, какие-то стандарты, установленные в прошлом веке, в веке новом могут и несколько устареть. Например, к такому явлению, как экономия языка, по-видимому, не стоит рьяно сопротивляться. Если длинноречие не нравится современному уху, а значит, работаем в полупустую, давайте сокращаться.

А я помню зарю своей корреспондентской юности, когда писали длинными, как летний жаркий рабочий день, предложениями. Хотя к году 1981, в конце которого я, по комсомольской путевке, был принят в редакцию Бурзянской районной газеты, думаю, уже успело произойти их некоторое урезание. Но все равно длиннющие были они. И несколько лет назад, когда работал над многосерийными историческими документальными радио- и телефильмами, мне представилась возможность сравнить эти форматы. В то время в любом издании можно было встретить примерно такое: «...Молочно-товарная ферма имени 40-летия ВЛКСМ, выполняя решения двадцать шестого съезда КПСС, вдохновляясь решениями февральского Пленума ЦК КПСС по развитию животноводства, в решающем году пятилетки...» И так далее. Если это — информашка, половина уже готова. То же самое относилось, конечно, и к радиопередачам. Думаю, тут нет необходимости говорить о причинах таких длиннот, удлиняли предложения их идеологические составляющие. Сейчас их нет, поэтому идет естественная экономия языка.

Я также прекрасно, даже глубоко, понимаю, что чрезмерное изучение грамматики, скажем, в школе, может напрочь отбить желание заниматься литературным творчеством. Совсем не уверен в том, много ли примеров приведем того, как не творчески работающий, ограничивающийся только спущенной сверху программой, школьный языковед привил бы ученику истинную любовь к словесному искусству.

— Да эти ученые напридумывали всяких там ...измов, математизировали язык, а нам давай учить правила... — выражают иногда недовольство.

А наш брат, в продолжение к вышесказанному, может добавить еще и следующее:

— Журналист ведь — практик, его дело — писать, говорить, показывать, а не изучать теорию о языке...

Все же, по моему мнению, теорию знать надо: лучше творить качественно, зная, сознательно идя на это, значит безо всяких сомнений, чем творить интуитивно. Создавать как строитель, ведающий материал изнутри, а не по внешнему виду, не на ощупь. Необязательно ведь заучивать, зубрить. Обязательно — понимать. Лично я орфографию никогда не учил наизусть, правописание шло ко мне как-то естественно, само, через чтение художественной литературы. Через чтение, чтение с большим желанием, а не ради оценок.

Кстати, с огромным восторгом воспринял моду последних лет писать во всей стране тотальные диктанты. Мне лично они нравились всегда: и на школьной скамье, и в вузе. В Башгосуниверситете, на филфаке, каждый семестр проводились так называемые «факультетские диктанты». И это было для меня всегда праздником! Не только из-за того, что был совершенно уверен в себе, а и от того великого торжества, когда склонялись головы над столами, где Его Величество Слово, а не перед дефицитной колбасой или джинсами. И на самом деле, это же — будущие учителя, как они предстанут перед учащимися, будучи неграмотными?!

И было торжество литературы! Когда подбирались из нее лучшие отрывки, конечно. Т.е. диктант — вроде бы проверка на правописание и все, однако, по моему мнению, пользы от него гораздо больше. Тут бы я сказал «мода». В хорошем смысле сказал, хочется, чтобы она переросла в дальнейшем в моду

и говорить правильно, красиво говорить, вообще в любовь к языку. В этом году, кстати, у нас в республике впервые был проведен отдельный диктант и на башкирском языке. И это прекрасно, друзья! Это — такая проверка, от которой на душе, мне кажется, всегда остается только светлый осадок. В отличие от проверок административных.

Если скажу, что понятие «радио» для современного молодого человека, в основном, означает «песни и общение в FM-диапазоне», думаю, спорить не будете. Ведущий, говоря по-западному, диск-жокей, называющий себя еще короче — ди-джеем, с радиослушателями ведет всякие не очень серьезные разговоры, проводит различные конкурсы и т.д. Как это воспринимает поколение постарше? Большинство недовольны. По их мнению, эта молодежная субкультура уж чересчур легкомысленна: «Не-е-т, в наше время было не так, радиоречь была просто превосходной, всем в пример...»

А вообще современный радиоведущий — ведь одновременно и диктор, и сценарист, и ди-джей, и звукорежиссер... Еще много кто. Наверное, и хороший психолог, надо же уметь выходить к людям, встречать их, выслушивать, провожать. В свое время, когда началась эра телевидения, ожидалось падение интереса к радио, а, возможно, и его полное отмирание. Но этого, сами тому свидетели, не произошло. Спасли новые достижения в области техники. Слушателей даже стало больше. Слушают через Интернет, через смартфоны, в автомобилях. Т.е. аудитория весьма и весьма широка. А это что? Это — необходимость говорить на прекрасном языке, говорить все лучше и лучше.

Вообще язык радио, понятное дело, несколько отличается и имеет право отличаться от его применения в других СМИ, в учебных заведениях. Хотя бы тем, что радиожурналист, в основном, работает с интонацией. В печатных СМИ такого явного интонационного выделения нет, за исключением различных методов экспрессии, конечно, специальным повторением, сменой шрифта и т.д. И в газетно-журнальной, а также в он-лайн журналистике очень важно соблюдать нормы, потому что хоть небольшое отклонение от них, к примеру, в синтаксисе, может привести к неточному восприятию информации, т.е. не к тому, чего мы хотели. Хотя тут можно, наверное, полагаться на общий уровень читателя, надеяться, что он поймет, сам мысленно подправит. А на радио же мы не можем рассчитывать на автокорректирование, тут — что сказано, то сказано, интонация расставила все точки над всеми i.

Будет лишним, видимо, утверждать важность для радиокорреспондента фонетики, раздела языкознания о системе звуков. Раз наука, значит и порядок, правила. Мы же различаем смысл слов именно по тому, что звуки в речи, говоря научным языком — фонемы, располагаются в определенном порядке, выговариваются вместе.

И тут не можем промолчать про вред письменного языка на язык живой, разговорный. Вред действительно есть. Не только есть, но и много его.

Вроде бы и так ясно: буквы являются только лишь условным графическим изображением звуков. Не более того. Они все, во всех алфавитах мира, придуманы людьми. А звуки, а они вот от природы идут. Значит, это никак не означает, что как написано, так и должно произноситься. Самый яркий пример здесь шуточный: пишется «Манчестер», читается «Ливерпуль». И пусть так пишется и не так читается, т.е. здесь орфография — отдельно, орфоэпия —

отдельно. Есть, конечно, и языки, в которых и «Манчестер», и «Ливерпуль» одинаково и изображаются, и произносятся. Скажем, по-белорусски «карова» и есть «карова». Или «Масква». У них так принято.

А по большому счету буквы, естественно, не полностью олицетворяют всю глубину обозначаемого звука. Вот поэтому и различаются язык письменный и язык живого общения. Тут уже у носителя языка должен иметься какой-то совершенный внутренний механизм, доводящий полуфабрикат до кондиции. Ибо употребление в сыром виде чревато последствиями: постепенно может вырасти целое поколение людей, говорящих буквами, отдельными словами.

Наверняка слышали такое:

— Он картавит, букву «рэ» не выговаривает.

Это может выдать даже педагог. И тут можно, наверное, его не подправлять, что не «рэ», а «эр». Ладно, невелика беда. А вот путать понятия звука и буквы — беда настоящая. И это может даже узакониться. А как же, радио косноязычит, на телевидении главное — картинка...

Орфография и орфоэпия, как уже было сказано, между собой не очень дружат. Орфография, по большому счету, каждое, ну, давайте для простоты скажем, слово рассматривает отдельно. Для нее важно состояние слова в неподвижности, в статике. Она не видит влияния соседей друг на друга. Как в автомобильном потоке: каждая машина по-своему правильна, исправна, чиста, движется по собственному направлению. Орфография не интересуется их взаимным влиянием. А тем не менее оно есть. Да хотя бы скоростью. Даже ведь по ПДД нужно ехать со скоростью потока. А орфоэпия учитывает и произношение звуков слова в живой речи, и их изменения вследствие этого взаимного влияния соседей.

Т.е. орфоэпия на радио — вещь очень и очень важная, чрезвычайно нужная. Именно на радио, ибо у него аудитория просто огромная, оно, возможно, само того не замечая, оказывает колоссальное влияние на язык социума. И надо, чтобы это влияние было лишь позитивным.

В начале статьи мы ставили вопрос, касающийся взаимной пользы радиожурналиста и языкознания и, думаю, убедили в необходимости все же знать теорию. А человек, вещающий в эфире, науке самой в какой мере нужен? Про соотношение больше-меньше не скажу, не знаю, тем не менее, думаю, в немалой. Потому что орфоэпия ведь зиждется на живом, проще говоря, народном, произношении, она все черпает оттуда. А радиоведущий в прямом эфире ведь и есть народ, его представитель, а значит и объект исследований.

И, думается, радиожурналист может внести свой вклад в развитие орфоэпии, как активный носитель языка, как практик, неслезательно, нецеленаправленно ломая порой какие-то стереотипы. Можно, кстати, и целенаправленно. Поэкспериментировать, так сказать. Я сам себя как-то поймал на мысли попробовать что-то написать или рассказать, используя все «отрицательное». Например, вот так: «Он туда не отправился, нужного человека не нашел, вопрос не обсудили. Тот не пообещал ничего. Руки не пожали. Не ушел с надеждой на то, что дело выгорит...» Это просто для интереса, конечно, ради разнообразия. Допустим, 1 апреля. Есть и более серьезные, действительно применимые в эфире, личные наработки, но о них — в следующий раз.

Показывать!

Звук на радио.

Казалось бы, вопрос не нуждается в отдельном обсуждении, ну какое радио без звука!? И в самом деле, у радиожурналиста же в наличии только три инструмента — слово, музыка, шумы и все три, по большому счету, звуки ведь. Четвертого не дано.

— Дано! — могут мне возразить. — Тишина!

О, да! О, это великолепное средство выражения! Действительно, знаем ведь, выдерживание артистом на сцене или экране долгих пауз оценивается как высшее мастерство. Знаем и согласны с этим. Однако она в радиожурналистике особо не используется. Разве что в постановках, литературных чтениях. И то — в старых, предыдущего века. Наоборот, то ли в силу того, что живем в какое-то уж очень быстрое, все более ускоряющееся время, даже не артистичные, а обычные, натуральные, природные беззвучные промежутки испытывают все растущее притеснение. Иной раз, после монтажа, такие алчные «соседи» оказываются в одной «коммуналке», что залезают прямо друг на друга. Каждому доли-дольки миллиметров нужны, с «жилплощадью» беда совсем. Одно утешение: слушатель, далекий от моей профессии, возможно, не замечает этого конфликта. И хорошо, что он не так притязателен.

Вместе с этим короткая пауза или вокальная вставка в передачу иногда воспринимается как некий недостаток. И приходилось слышать не очень одобрительную оценку в отношении прерывания передачи по важному общественно-политическому вопросу песней, пусть и в тему: и мелодией, и содержанием. Согласен ли я с этим? И да, и нет. И вправду: в то время, когда в какой-то сфере ожидаются серьезные изменения и идет разъяснение их сути, особенно при возникновении неблагонадежной ситуации, делать этого, видимо, не стоит. И, в основном, так и происходит. А еще ведь у радиостанции может быть своя политика в данной части. И есть она, прописана в лицензии: в столько-то процентах эфира — говорится, в столько-то — поется, танцуется. В современных каналах, как правило, превалирует последнее. Превалирует, потому что, да, наверное, через некоторое время к болтовне интерес начинает теряться. Конечно, тут можно возразить: «Не всегда. Это зависит от темы-проблемы, самой аудитории, времени суток, голоса, речи, личности говорящего и т.д.» Но быть ближе к каким-то признанным на международном уровне стандартам, думается, все же надо.

Что касается тишины в прямых эфирах, нельзя сказать, что ее нет: живой ведь выход, идет живое общение, живой мыслительный процесс. Когда собеседник формулирует свое мнение, особенно по важному вопросу, затрагивающему, к примеру, такие области, как межнациональные, межконфессиональные отношения, может установиться и тишина. Даже без шелеста бумаги, скрипа кресла, тяжелого вздоха, постукивания ручкой. И тут важна выдержка ведущего. До определенного момента, конечно, но без особой надобности, думаю, не надо встревать с уточнением, напоминанием, переходом на другой вопрос... Тишина ведь тоже не зря установилась, значит, сейчас должна высказаться очень важная мысль. И это, наверное, даже лучше: эта важная мысль уже не потеряется в общем словесном потоке. Значит, крепче запомнится.

Я, как сегодня, помню день с моего детства, когда пришел номер районной газеты с полностью пустой обратной стороной: ни единой буковки. Удивления-то было-о-о!.. Радости тоже: буду на ней рисовать. И было неглубокое, поверхностное, легкое чувство некоего торжества, которое человек иногда испытывает при виде чужих ошибок. Тут надо оговориться: не всех ошибок, только тех, которые мы не привыкли видеть, которые по определению недопустимы, ведь не злорадствуем же, когда происходят, например, коммунальные аварии. Потом, когда сам начал работать в редакции, понял, почему это произошло: в типографии печатали сначала одну сторону номера, затем переворачивали и другую. В ту ночь, видимо, брак пошел. Быть может, это был единственный экземпляр. И он попался именно мальчику, уже тогда грезившему судьбой профессионального носителя публичного художественного слова.

А пустая сторона номера — ведь тоже своего рода тишина. Хорошая тишина. Иногда лучше промолчать. Молчание — очень ценная информация, не надо его прерывать.

Насчет прерывания. По моему мнению, радиожурналист в беседе не должен ограничиваться лишь задаванием вопросов, это, в большинстве случаев, наверное, показывает его профессиональную ограниченность. Ограниченность в силу недостаточной подготовки к эфиру и степени общей его подготовленности. На пушную живость живого эфира часто эффективно работает оптимальное вступление ведущего в разговор, иногда с элементами спора, заявлением точки зрения других социальных и иных групп. Поэтому гостям студии говорю:

— Не хочется, чтобы разговор превращался в устный экзамен. Пусть будет живое общение. Можно друг друга прерывать. Даже нужно. Надо отвечать и на незадаанные вопросы.

Так-то оно так, но даже мизерная прямоэфирная тишина ведь кажется целой вечностью. В долях секунд не измерял, конечно, однако... Не скрою, бывает, сам себя успокаиваю, основываясь на том, что мне так, видимо, только кажется.

А на самом деле, ведь сделать из отрицательного положительное, т.е. превратить тишину в художественное средство выражения — совсем неплохо. Если журналист и звукорежиссер — достаточно творческие личности и работают в тандеме. Например, «показать» мыслительный процесс, ее движение по мозгу и слушателю тоже, а значит вести его по этому направлению, достигать поставленной эфирной цели. Да и слушатель ведь тоже понимает, что установление короткой тишины в эфире вовсе не из-за того, что нечего сказать. Это ведь в анекдоте только, после получасового молчания, объявляется: «Передача для глухонемых окончена...»

Тем не менее, пусть на радио будут, конечно, звуки. Пусть будут, куда мы без них.

Однако, если уровень журналиста и по форме, как говорится, и по содержанию по-настоящему высок, он о каком-либо событии может рассказать не менее точно, чем с использованием интершумов, голосов людей и т.д. Вон есть же театры одного актера. Но, во-первых, это не всем по силам, во-вторых, каждый раз не надо, тогда пойдет уже однообразие. Да и ты тоже, если в передаче одного жанра только сам, один рассказал, в другом формате уже используй и другие голоса, звуки, не повторяйся, надоешь.

Лично, при подготовке документальных радиополфильмов, стараюсь максимально использовать звуки из жизни. Потому что это ведь именно фильмы, в них события должны предстать перед аудиторией как в кино. И никогда не считал это заботой лишь режиссера. Вообще сценарии у меня получаются длинные, ибо подробные. Каждое, говоря юридическим языком, деяние, т.е. действие или бездействие, стараюсь озвучивать не одними лишь словами. Звукорежиссеру этим, возможно, несколько прикрываю творческий горизонт, однако таковы мои методы работы. В проекте «Одна тысяча девятьсот пятьдесят шесть», например, мои слова часто чередуются, скажем, со скрипом телеги, храпом лошади, военным маршем, троганием с места грузовика, стуком колес поезда, шумом трамвая и т.д. Примеры эти, конечно, простые, слишком конкретные, но без них фильмы были бы беднее. А бывает, что и ничего не придумаешь. Тогда уже нужен композитор, чтобы он вник в содержание и выдал настоящий шедевр. Вник бы, да где же ему взять такой гонорар? Есть, конечно, в фонотеке различные шумы, вроде бы даже ничего. И используются. Однако, во-первых, они могут быть устаревшими: ну, другие сейчас, к примеру, автомобили, не так трогаются, во-вторых, скворец какой-то заокеанский, в-третьих, шаблон именно для твоего произведения может и не подойти: по объему, глубине звучания, мягкости-твердости и т.д., да мало ли... И коровы зарубежные не так мычат, овцы блеют как-то глуховато. На зернотоке молодежь вроде бы смеется весело, но не по-нашему, мы — намного искреннее... В 1956 году наши грузовики ведь, наверняка, не так шумели как американские. Здесь нужен мощный шум! А как иначе, время само было сильное, на игрушках такие стройки особо не поднимешь. Сейчас время, конечно, подкорректировало: мощно, не значит шумно и наоборот, но мы же пока там, в 1956-м... Когда не хватает шумов, бывает, и сами пишем. Например, нужны звуки из сельского клуба семидесятых годов, не беда, спляшем. И на гармошке сыграем. И частушки споем. Даже сочиним и споем.

Будучи еще совсем молодым радиокорреспондентом, поехал я в командировку. Стоял апрель. Районный глава посоветовал присутствовать на агрономической конференции. Отлично, значит все руководители, специалисты хозяйств будут в одном месте. Великолепный весенний день! Пишу интервью и слышу веселое чириканье. Пишу и радуюсь. Радуюсь больше птицам: спасибо, пернатые друзья мои! Пойте, пойте, пожалуйста, не умолкайте! Чириканье можно было, конечно, спокойно взять по возвращении в Уфу из фонотеки, но дело тут было в другом. В том, что птицы эти — местные, именно этого района, именно даже этого хозяйства, поют именно сегодня, в эти минуты. Натуральные, настоящие. Вернулся. Дал в эфир. Получилось просто превосходно!

Я много говорю о радио. Много хорошего. Я люблю его. Но есть у него, конечно, и недостаток. Один-единственный. Радио не видно. Рассказываем, а показать не можем. Ведь даже печатная пресса способна показывать, знаем же возможности, к примеру, хорошей, творчески сделанной, доведенной до уровня произведения искусства, фотографии, когда запечатлено, скажем движение. С телевидением, понятное дело, не можем тягаться. Что остается радиийщику? И ему по-ка-зы-вать! Несмотря на то, что кажется совершенно невозможным. Показывать голосом, звуками, тишиной.

Сама история воспитывает

Я где-то, возможно, уже писал, и даже не один раз, о том, что СМИ, хоть и нет этого слова в данной аббревиатуре, должны ощущать на своих плечах и некую воспитательную роль. Да, несмотря на то, что времена изменились, создаем свободное общество, человек волен в мыслях и действиях. А как раз поэтому и нужно оно, воспитание. Да хотя бы экологическое.

Делали мы большую программу по безопасному туризму. Всем отделом. Это когда один ведущий, один или два гостя, остальные готовят репортажи. В следующей передаче ведущий меняется. С некоторых пор мы перешли к такой форме работы. Выбираем тему поострее, поактуальнее и — поехали.

Тот репортаж у меня родился предельно скоро, написал на одном дыхании, почти играючи, потому что давно хотел к людям обратиться с этим воззванием.

«К сожалению, туризм у нас сегодня иногда воспринимается как-то зауженно, просто, как пассивный отдых. И в качестве времени его проведения рассматривается, в основном, летняя жаркая пора, — начал так. — Значение французского слова «тур», т.е. путешествие, понимается однозначно, лишь как празднество. Говорю об этом с сожалением, потому что, простите за книжные слова, они же в идеале должны стать основой для дальнейшего роста творческих способностей личности, для расширения горизонта знаний. Ведь отдых чрезвычайно полезен, когда дает возможность воочию видеть жизнь, быт, культуру других народов. И это важно в любое время года. Говорю об этом отдельно, поскольку лето считается сезоном для слишком свободного, чересчур раскованного, через край громко, в полуголом виде, с пивной бутылкой в руке, расхаживания и разлеживания на природе. Современный турист обязан быть культурным. Должен все время помнить, что находится на общественном месте, нередко — на особо охраняемом. Например, собрался в Бурзян, красивейший уголок, на пещеру Шульган-таш, будь добр, хоть бегло ознакомься с башкирским народным эпосом «Урал-батыр».

А прочитав «Урал-батыр», «Акбузат» или «Бабсак и Кусякбей» и др. уникальные памятники народного творчества, зародившиеся в этих местах, сейчас ведь проще простого, даже в пути можно в Интернете полистать. Надо, потому что ты едешь туда, где очень много топонимов, гидронимов упоминающихся в данных кубаирах. Ты едешь, чтобы прикоснуться к древнейшей истории. От этого ты станешь духовно богаче. Тогда ты не будешь смотреть на «Йылкысыккан», что с башкирского переводится как «озеро, из которого вышли кони», как на обычный водоем. То, что в нем вода никогда не увеличивается и не уменьшается, цвета она серого, с таинственно мерцающим отблеском синеватого, что не только рыбы, вообще никакой живности не водится, воспримешь не как недостаток, а как чудесную реальность. Ибо ты уже далек от отношения к нему, как к объекту для удовлетворения бытовых потребностей. И это уже будет воздействовать и на твое дальнейшее поведение: откажешься от шумного приема пищи и напитков, стоя или сидя на данном берегу, отложишь это на потом. Даже если совершишь, пищевые отходы уже не побросаешь, где попало. Не будешь громко хохотать, хоть и настроение отличное. Потому что информация, полученная тобой ранее, тебя воспитывает. Сама история воспитывает.

То же самое можно адресовать и тем, кто занимается организацией туризма: ведь, когда мы говорим о безопасном туризме, имеем в виду и то, что не

должен наноситься вред и природе, и людям, там проживающим. Т.е. снова просится наверх понятие «культурности». И пока она есть, как бы это не звучало удивительным, непредвиденные обстоятельства, вплоть до природных катастроф, могут обойти тебя стороной. Именно так, потому что сколько знаем таких чрезвычайных происшествий, когда, несмотря на предупреждение синоптиков, едут в лес, ставят палатки, а ночью их накрывает ураган. И тут, давайте скажем прямо, чуть ли не главную роль играет прием горячительного, т.е. обыденность, неполное осознание того, что находишься в очень необычном месте, которого в разы растёт надежда на авось».

Примерно вот так я построил свой репортаж. А ведущий на следующий день с радостью рассказал о том, что гость студии, организатор турпоездок, очень внимательно прослушал его в эфире. А в середине репортажа взял ручку и начал делать пометки. Сказал, что впредь так и будет поступать — настойчиво рекомендовать туристам знакомиться с башкирским фольклором.

Как-то я спросил милостивую девушку-экскурсовода о том, насколько тяжела работа, каково работать с туристами.

Она ответила:

— Самое трудное — рассказывать нетрезвым людям.

Действительно, какой интерес говорить серьезные вещи человеку, превращающему все в смех, который все время перебивает лекцию неуместными вопросами, бесконечно хохочет от собственных неострых шуток, допустим, называя наскальную живопись «граффити».

Пишу об этом для того, чтобы заострить внимание на обязанности каждого журналиста ни на минуту не забывать и о воспитательной роли СМИ. Даже если этого от тебя никто не требует.

Кстати, когда писались эти строки, стало известно, что территория вышеназванного озера будет за счет государства облагораживаться, установят памятник мифическому коню. И, я так понял, что поставят также табличку с текстом легенды. Надо, надо!

К слову сказать, нередки случаи, когда порядок, хорошо наведенный властями однажды, довольно успешно прививается и у населения. Этим летом Уфа, как хорошо известно, на несколько июльских дней становилась политической, экономической, культурной столицей половины всего мира, когда проводились саммиты стран-участников ШОС и членов БРИКС. Республика подготовилась к ним основательно. За три года Уфа приятно преобразилась, везде установилась чистота, было уютно. Душа радовалась за родной город, неподдельная гордость брала. А в дни приема высоких гостей, их работы на международных форумах царил особая стерильность. Многим очень понравился порядок и мои радиослушатели выражали, с одной стороны, большое удовлетворение, с другой — сожаление, что мероприятия скоро закончатся и опять народ начнет бросать окурки мимо урн, пустые пластиковые бутылки прямо из окон автомобилей. На ходу, на большой улице. Обо всем этом и я методично говорил в своих программах. Не знаю, кому как, но мне все же кажется, что мы стали воспитаннее, сорим не так бессовестно, как раньше.

Отсюда вывод о том, что капля действительно камень точит и воспитательная работа, словом и делом, рано или поздно обязательно принесет свои плоды.